

СТІХІ

ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1990

ISSN 0131-0097

ПО ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

Перед вами — три среднеазиатских поэта, пишущие на трех разных языках. Хотим прежде всего обратить ваше внимание на богатый интонационный спектр в предлагаемой нами подборке.

Атамурад АТАБАЕВ

ОПРОКИНУТЫЕ САДЫ

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Луна и солнце в этом городе восходят,
Луна и солнце в этом городе заходят.
Песочные часы в персть праха превратились,
Здесь время не течет. Века остановились.

Нет красных петухов, орущих поутру
На гребешок зарю, горящей на ветру.
Нет резвых скакунов, копытящих века,
Нет стад коровьих, льющих реки молока,
Нет блеющих овец с большими курдюками,
Нет ни одной козы с отбитыми рогами.

Нет луноликих дев, вздыхающих ночами,
Нет верных юношей с горящими очами.
Нет мастеров, что оживляют мертвый камень,
Искусства нет, поэтов нет — погас их пламень.
Развеян сладкозвучный стих

под вечным сводом,
Где звук и смысл сливались, словно масло
с медом.

Нет мудрецов — не обнимает больше разум
Вершины мира и глубины — разом.
Нет переписчиков, равно добро и зло
Переносящих на бумагу кабелю.
Нет никого, нет ничего... Пройди, не глянув!

Нет звездочетов, предсказателей, шаманов,
Шпагоглотателей, гадалок, шарлатанов,
Книгохранилищ с миллионами томов;
В пыль превратились измышления умов!

Кувшина нет с вином. Нет торем и цепей.
Нет виноватых и невинных. Нет судей,
Умевших белое как черное представить,
Искусно правду на неправду переправить.

Где в этом городе базар? Где зазывалы?
Где перекупщики, ростовщики, менялы?
Где груды золота? Где псы и где их кости?

Где свора нищих? Где хозяева и гости?
Где казаны, в которых варят плов густой?
Нет ничего. Стоит базар пустым-пустой.

Все караваны с четырех окраин мира
Минуют город. Блеск и шум проходят мимо.
Ни певчих птиц, ни говорящих попугаев,
Ни драных шапок, ни богатых малахеев.
Ни мало нет, ни много нет. Нет ничего.
Одно безмолвие. Пустынно и мертво.

Нет величавых стариков, нет благочинных
Старух сказительниц, в чьих ласковых
морицах

Таятся сказки, дремлют тысячи теней.
Их слушать некому, нет в городе детей.
Нет старых сказок, что мудрее дня и ночи,
Чья правда слаще молока и горше желчи.
Осталось в городе огромное вчера,
Теней и призраков неясная игра.

В безлюдном городе разбойники не бродят,
Тут грабить нечего. Восходят и заходят
Луна и солнце. Ничего не происходит.
Людьми построенный, разрушенный людьми,
Он словно светится истлевшими костями.

Я прохожу, и пыль веков седею
За мною тянется, на землю оседею.

НА ПЛЯЖЕ

Мужчина или женщина, стар или млад,
Девушка или парень?.. Впору лежат.
О, столпотворение сонного царства!
Где наши, где ваши — нельзя разобраться.

Кто книгу читает, кто в карты играет,
А кто, как сырое бревно, обгорает.
А Черное море шумит одолонь
И рвется на берег, как вздыбленный конь.

На пляже с утра многолюдно всегда,
Тела распростертые лжёт вода.
Того, кого в городе видел одетым,
Попробуй найди среди голых... Да где там!

Под солнцем белесым сверкают тела,
Как темные камни, и несть им числа.
Но к слабому полу, даю тебе слово,
Нет чувства в душе никакого такого...

Вот пляж оживился. Толпа загляделась
На женщину — молча пришла и разделась.
С Луны ли свалилась такая краса?
С морской поволокой, синют глаза.

И ноги, и руки, и груди нежны
Такой белизной, что слова не нужны.
Напомнила женщинам с адским загаром,
Что все-таки пол их прекрасен недаром.

...Есть в этой красавице некий искуc.
Как только оденется, сразу влюблюсь.
Когда наши чувства одежда скрывает,
Чего только с нами тогда не бывает!

И все-таки, глядя на синюю воду,
В чьем рокоте слышал покой и свободу,
Я думал, что род привлекают людской
Сюда только солнце и воздух морской.

Ну вот затерялся на пляже и я.
В объятья морские бросаюсь шутя.
Плыву и качаюсь в просторе широком,
И вновь возвращаюсь на гребне высоком.

Лежу на песке — о, блаженство какое! —
И телом вливаю дыханье морское.
Светло это солнце, а тело черно,
Ведь я загорел в Каракумах давно.

Ашхабад

Перевел с туркменского Юрий КУЗНЕЦОВ.

БУДЕТ МОРЕ

На месте садов опрокинутых —
Под звуки рыданий отринутых —
Из слез, что текут поневоле, —
Будет море!

Жестокое, невероятное,
Безжалостное, безотрадное,

К людской равнодушной боли —
Будет море.

До уровня звезд доходящее,
Потомкам не принадлежащее,
Подобно богатствам Памира, —
О море без мира, —

Родные ручьи ослепившее,
Надежды навек скоронившее,

Молчанию нашему вторя, —
Будет море.

Таджикских могил не останется...
В бутылке, что выкинул пьяница,
Усопшему место ль? О горе —
Будет море!

Душанба

Перевела с фарси Татьяна БЕК

Гульрухсор САФИЕВА

КРИК

Бульдозером засыпанный родник —
Из-под камней его не слышен крик.
А он кричит.
Какая это боль!
Пока не ощутишь тобой.

Долбим гранит, не устаем колоть.
Земную кожу рвем, земную плоть.
Земля кричит.
Какая это боль!
Пока не ощутишь тобой.

Кто дерево цветущее срубил?
Кто эту кровь весеннюю пролил?
Боль дерева —
Какая это боль...
Пока не ощутишь тобой.

Но грянет час. Расколется твой лед.
Никто не шелохнется, не спасет.
Ты закричишь.
Какая это боль!
Пока не ощутишь тобой.

* * *

След каких-то больших испытаний.
Шквал пустыни. В горах камнепад.
И мальчишки, причастные к тайне,
Во дворе меж собой говорят:
«Это взрыв прогревел...»
в Казахстане...
И глубокою равниною раной
Полыхает над степью закат.

Ташкент

Раим ФАРХАДИ